

Фильченко А. Ю., Потанина О. С.

ПРЕДИКАТИВНАЯ ПОСЕССИВНОСТЬ В ВОСТОЧНЫХ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА¹.

В данной статье рассматриваются предикативные посессивные конструкции, встречающиеся в восточных диалектах хантыйского языка. Целью данной статьи является определение как наиболее продуктивных и частотных типов предикативных посессивных конструкций, так и периферийных случаев выражение посессивности предикативными средствами. В статье мы рассматриваем, как взаимодействуют бытийные, локативные и посессивные конструкции. Ядерными конструкциями выступают бытийные / локативные посессивные конструкции, в которых посессор кодируется локативно-маркированной именной группой, а в качестве предиката выступает глагол-копула «быть». К периферийным предикативным посессивным конструкциям мы относим транзитивные посессивные конструкции с глаголом обладания «иметь, держать, владеть»; посессивные конструкции с глаголами положения «сидеть», «стоять», «лежать»; эквативные/инклюзивные/атрибутивные проприетивные конструкции, в том числе, редкий тип атрибутивных предикативных конструкций с посессивной-проприетивной семантикой с суффиксом-предикатором */-aki/*. Преобладание бытийных/локативных конструкций обусловлено, на наш взгляд, контактным взаимодействием с русским языком в условиях билингвизма. В соответствии с типологией Стассена (2009), в восточнохантыйских диалектах наиболее частотна локативная стратегия (*the locational possessive*). Глагольная стратегия (*the have-possessive*) встречается существенно реже, и в настоящее время, судя по имеющимся данным, теряет специфическую сферу применения за счет расширения сферы локативных конструкций. Комитативная стратегия (*the with-possessive*) в диапазон восточнохантыйских посессивных конструкций не включается, так как имеет отличные характеристики и дистрибуцию, используясь в основном с глаголами движения.

Ключевые слова: *предикативные посессивные конструкции, стратегии предикативной посессивности, восточные диалекты хантыйского языка.*

Введение

Посессивность в языке представляет собой комплексное явление, которое выходит на несколько языковых уровней и отражает множество связей и принципов, определяющих все разнообразие «посессивных» значений и способов их выражения. Здесь и далее в тексте термин «посессивный» в некоторых случаях выделен кавычками, поскольку спектр значений, выражаемых посессивными конструкциями, настолько широк, что они используются не только для выражения принадлежности и обладания, – собственно посессивных значений – но и для выражения непосессивных значений (например, ассоциативных и релятивных отношений). Более того, концептуальная область посессивности представляет собой сложную структуру, состоящую из нескольких доменов, из которых ядерным является домен отчуждаемой принадлежности, а периферийные домены разнообразны и культурно обусловлены. Вслед за Л. Стассеном (2009: 20), к периферийным доменам можно отнести неотчуждаемую принадлежность, временную принадлежность и абстрактную принадлежность. Границы между доменами часто расплывчаты и четко не определяются. Возможно, такая сложность не позволяет системно и исчерпывающе подойти к описанию посессивности в каждом конкретном языке: до сих пор не существует полного описания категории посессивности на материале языков обско-енисейского языкового ареала (хантыйского языка, в частности). Более того, в настоящее время отсутствует типологическая анкета, которая содержала бы ис-

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФНФ: грант № 15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков Обско-Енисейского ареала».

черпывающее количество типологических параметров, позволяющих описать все разнообразие посессивных конструкций в любом языке с целью выявления универсальных и специфических черт данного языка.

Общепризнанным является разделение посессивных конструкций в языке на именные и предикативные. Известно, что именные/атрибутивные посессивные конструкции представляют большее разнообразие значений и функций, чем предикативные, в хантыйском языке, в частности, дискурсивные особенности которого открывают большие перспективы исследования приименной посессивности. К наиболее частотным именным посессивным конструкциям васюганского диалекта хантыйского языка относятся три канонические структуры: конструкции с выраженным местоимением посессором и лично-числовым кодированием посессора на вершине (*mä ar-am* “мой отец”); конструкции с выраженным лексическим посессором в референтном употреблении, в которых лично-числовое согласование с посессором на вершине сохраняется (*mustəm ni qu-j-əl* “муж красивой женщины”); и конструкции, образованные простым соположением имен (часто нереперентного посессора и обладаемого) без морфологического оформления посессивных отношений (*talay l’opi* “зимнее пальто” и *qasi tur* “человеческий голос”, букв. “зима пальто” и “человек голос”), используемые для выражения периферийных случаев «посессивных» отношений, например, предназначения и др. (Потанина, 2014). Кроме разнообразных семантических и прагматических значений, имеющиеся в хантыйском языке именные посессивные конструкции демонстрируют принципы, которые определяют выбор той или иной конструкции и позволяют определить параметры описания именных посессивных конструкций. Подобными принципами, обеспечивающими всю вариативность именных посессивных конструкций в восточных диалектах хантыйского языка, являются отчуждаемость/неотчуждаемость обладаемого, определенность/неопределенность обладаемого, референтность/нереперентность посессора, прагматический статус посессора, степень прагматической активированности обладаемого. Более детально результаты исследования именной посессивности в восточных диалектах хантыйского языка представлены в (Потанина, 2014), (Filchenko, 2014), тогда как предметом данной статьи является предикативная посессивность в восточных диалектах хантыйского языка, значения предикативных конструкций и разнообразие их структурных типов с целью определить место хантыйского языка в типологии предикативной посессивности. Основной вопрос заключается в том, обладает ли предикативная посессивность таким же разнообразием структурных типов и значений, как именная.

1. Теоретические предпосылки исследования

При отборе материала для исследования как именной, так и предикативной посессивности мы рассматривали все манифестируемые в восточных диалектах хантыйского языка примеры посессивных конструкций. Исследуя именную посессивность, мы выявили, что посессор может представлять собой как одушевленный, так и неодушевленный референт. Обладаемое может представлять собой конкретные сущности, абстрактные понятия, социальные отношения и реляционные понятия. Типологически многие языки разделяют посессивность на отчуждаемую и неотчуждаемую, что выражается в облигаторном использовании различных грамматализованных средств для их разграничения. В восточных диалектах хантыйского языка неотчуждаемая принадлежность выражается обязательным наличием лично-числового согласования с посессором на обладаемом в примерах именной посессивности. Вслед за Б. Хайне, к случаям неотчуждаемой принадлежности в восточных диалектах хантыйского языка мы относим термины родства, части тела, реляционные понятия (например, «верх», «длина»), части целого, физические и ментальные состояния, отглагольные номинализации (например, рус. «его пение») (Heine, 1997: 10). Необходимо отметить, что перечень неотчуждаемых обладаемых может варьироваться от языка к языку, поскольку понятие владения/обладания является понятием культурно специфическим. На наш взгляд, кроме таких традиционно выделяемых

семантических групп как части тела и термины родства, к неотчуждаемым обладаемым в восточных диалектах хантыйского языка можно также отнести некоторые индивидуальные предметы быта и жизнедеятельности, традиционно необходимые для выживания (*mä kötʃk-äm* «мой нож», *mä pötʃkän-äm* «мое ружье»). Кроме отчуждаемой и неотчуждаемой посессивности, подразумевающими постоянное отношение между посессором и обладаемым, Л. Стассен выделяет еще временную посессивность, подразумевающую краткосрочное, случайное «владение» обладаемым и приводит пример из английского языка: «*Look out! The guy has a knife!*» (Stassen, 2009: 19). Таким образом, можно сделать вывод о том, что концептуальная область посессивности состоит из нескольких доменов, которые репрезентируются в языке в виде различных по семантике и структуре посессивных конструкций. Открытым, однако, остается вопрос о том, обладают ли предикативные посессивные конструкции в восточных диалектах хантыйского языка тем же разнообразием значений и средств выражения, что и именные.

Под предикативной посессивностью в языке понимается способ выражения «посессивных» значений и связи между субъектом обладания (посессором) и объектом обладания (обладаемым) лексическими средствами – глаголами. В качестве таких лексем могут выступать глаголы со значениями «иметь», «владеть», «держать», «хранить» и др. Формально в предикативных посессивных конструкциях выражены оба участника посессивной ситуации (посессор и обладаемое) и предикат, выражающий либо значение обладания, либо значение принадлежности.

Одной из ранних классификаций предикативных посессивных конструкций в языках мира является предложенное Э. Бенвенистом разделение языков на *Habere*-языки и *Esse*-языки, в которых предикатами посессивных конструкций являются переходный глагол «иметь» (англ. «*I have a car*») и непереходный глагол «быть» (рус. «*У меня есть машина*»), соответственно. Э. Бенвенист утверждает, что эволюция средств выражения посессивности наблюдается в переходе *Esse*-языков в *Habere*-языки (Бенвенист, 1974). Б. Хайне (1997: 29–30) выделяет два типа предикативных конструкций: «*have*»- и «*belong*»-конструкции, различающиеся организацией информационной структуры высказывания (ср. англ. «*She has a car*» и «*The car belongs to her*» или «*The car is hers*», в первом случае посессор является топиком, во втором топик – обладаемое).

Наиболее актуальной типологической классификацией предикативных посессивных конструкций, на наш взгляд, является типология предикативной посессивности, предложенная Л. Стассеном (2009). Автор выделяет четыре базовых типа кодирования предикативных посессивных отношений: 1) локативная стратегия, 2) комитативная стратегия, 3) стратегия топикализации посессора, 4) глагольная стратегия. По мнению Л. Стассена данные типы предикативных посессивных конструкций образуют достаточно стройную и исчерпывающую классификацию предикативной посессивности в языках мира, и, все вместе, охватывают более девяносто процентов, встречающихся в базе данных автора посессивных конструкций (Stassen, 2009: 69). Первые три стратегии представляют собой интранзитивные синтаксические конструкции и противопоставляются четвертой (глагольной) стратегии, которая реализуется в виде транзитивной конструкции. Первые три стратегии в качестве предиката используют одновалентный глагол с локативным или бытийным значением примерно соответствующим значениям «быть», «иметься», «существовать», «находиться». Различаются эти три стратегии способами кодирования посессора и обладаемого. При локативной стратегии именная фраза, выражающая обладаемое, кодируется как топик и функционирует в качестве подлежащего и имеет все морфосинтаксические характеристики, свойственные подлежащему в данном языке. Посессор кодируется косвенной падежной формой, регулярно используемой в языке для маркирования адвербиальных значений, например, падежными показателями или адпозициями. При комитативной стратегии наблюдается противоположное распределение синтаксических функций и семантических ролей основных участников посессивной ситуации: в качестве подлежащего выступает посессор, а обладаемое кодируется косвенной (адвербиальной) фор-

мой (Stassen, 2009: 55). Третья стратегия – стратегия топикализации – отличается от локативной кодированием посессора: в данном случае посессор кодируется как топик, т.е. сообщает известную, данную информацию (Stassen, 2009: 58). Четвертая стратегия отличается от первых трех транзитивной синтаксической структурой: в качестве предиката в ней используется глагол со значением «иметь», посессор выступает в роли агенса и оформлен как подлежащее, а обладаемое выступает в роли пациенса и имеет грамматическую роль прямого дополнения (Stassen, 2009: 62).

На материале уральских языков, Л. Хонти, в результате исследования средств выражения посессивных отношений, приходит к выводу о том, что прототипической предикативной конструкцией, выражающей посессивные отношения в уральских языках, является «*mihi liber est*», но периферически встречается и «*habeo librum*» (Honti, 2008: 173).

2. Интранзитивные посессивные конструкции

В восточнохантыйских диалектах основу инвентаря глагольных конструкций, выражающих посессивные отношения, составляют интранзитивные, так называемые локативные и бытийные посессивные конструкции и предикативные конструкции с глаголом обладания «иметь», которые будут рассмотрены в разделе 3.

Восточнохантыйские интранзитивные конструкции по своим морфосинтаксическим характеристикам могут быть дифференцированы на две группы. Первая группа, включает в себя эквативные, инклюзивные и атрибутивные конструкции, и характеризуется типичными морфосинтаксическими особенностями именных предикативных конструкций (Filchenko, 2014). Отношения посессивности выражаются конструкциями второй группы, включающей локативные и бытийные конструкции, которые демонстрируют отличные морфосинтаксические характеристики. Данные локативные и бытийные посессивные конструкции дифференцируются на основе отличий в проецировании прагматического статуса, семантических ролей и грамматических отношений референтов. Эти отличия отражаются в таких морфосинтаксических параметрах как порядок слов и просодика, противопоставляя локативные посессивные конструкции с одной стороны, и бытийные посессивные конструкции, с другой.

2.1. Эквативные, инклюзивные, атрибутивные конструкции

Восточнохантыйские эквативные, инклюзивные и атрибутивные конструкции объединены общими семантическими и структурными характеристиками, и могут быть представлены концептуальной моделью: [THEME ATTR (V_{EX})], где предикат выражен опционально глаголом-копулой (*wəs*- ‘быть’ – для референта ТЕМЕ 1-го и 2-го лица, и *wəl*- ‘быть, жить’ – для референта ТЕМЕ 3-го лица (часто используемой в качестве формы «по умолчанию» для референтов ТЕМЕ любого лица)). Эти конструкции выражают, скорее проприетивные, нежели чем посессивные отношения.

Эквативные конструкции:

(1) Вост.хант. Вас.:

<i>nin</i>	<i>qasi-tə</i>	<i>əŋk-äl</i>	<i>(wəl-wəl)</i>
женщина	мужчина-3PL	мать-3SG	быть-PRS.3SG

‘Эта женщина (есть) мать тех мужчин.’ (EKhNeg_015)

Инклюзивные конструкции:

(2) Вост.хант. Вас.:

<i>məŋ</i>	<i>wäs'-joŋan</i>	<i>jaŋ</i>	<i>(wəs-əw)</i>
1PL	Васюган-река	люди	(быть-1PL)

‘Мы (есть) васюганские люди.’ (EKhNeg_008b)

В таких конструкциях предикат-копула может быть эксплицитно не выражен во временном плане настоящее-будущего, но эксплицитно обязателен в плане прошедшего и типично занимает позицию в конце клаузы. Здесь следует отметить существование в восточнохантыйском редкого типа атрибутивных предикативных конструкций с проприетивной семантикой, в которых именная предикация происходит с использованием суффикса-предикатора /-aki/, при котором копула не обязательна (3). Именным предикатом в таких конструкциях может выступать представители разных лексических классов (собственно имен существительных, прилагательных, наречий и числительных), принимающих суффикс-предикатор /-aki/.

Атрибутивные конструкции:

(3) Вост.хант. Вас.:

jüy öyi-t-aki qu
3SG дочь-PL-PRD мужчина

‘У него много дочерей’ (букв.: ‘с-многими-дочерьми мужик’)

2.2. Бытийные посессивные конструкции

Восточнохантыйские бытийные предикативные конструкции могут быть представлены концептуальной моделью [THEME LOC_{POSS} V_{EX}] или ее более частотным вариантом [THEME_{POSS} V_{EX} LOC_{POSS}], где референт-обладаемое THEME кодируется как топик, т.е. характеризуется прагматической идентифицируемостью и активированностью в эпизоде дискурса, в то время как локатив имеет прагматический статус фокуса.

(4) Вост.хант. Вас.:

timin pälto tol'ko jüy qu-j-äl-nä
DET костюм только 3SG мужик-EP-3SG-LOC

‘Такой костюм только у того мужика есть.’ (TS-145)

Такие бытийные посессивные конструкции являются типичными бытийными, с той лишь разницей, что место локатива в посессивных бытийных конструкциях занимает одушевленный референт, посессор (*cf.* стандартная бытийная конструкция (5) *vs.* посессивная бытийная конструкция (4)).

(5) Вост.хант. Вас.:

ʃfu pälta tot-aki
DET костюм DET-PRD

‘Этот костюм на месте.’ (TS_110).

2.3. Локативные посессивные конструкции

Восточнохантыйские локативные конструкции могут быть представлены концептуальной моделью [LOC THEME_{POSS} V_{EX}]. Дифференциация таких конструкций от вышеуказанных бытийных основывается на прагматическом статусе референта-посессора. В случае бытийной конструкции этот референт – обладаемое – THEME, характеризующийся прагматической идентифицируемостью и активированностью, обладает прагматическим статусом топика, и оформляется как подлежащее в начальной позиции в клаузе, в то время как референт-посессор, с ролью LOC_{POSS} является частью прагматической ассерции – обладает прагматическим статусом фокуса (*cf.* пример (4)). В случае же локативной конструкции, референт-посессор LOC_{POSS} обладает прагматическим статусом топика, но не является грамматическим подлежащим. Грамматическим подлежащим является референт-обладаемое – THEME с более низким прагматическим статусом, и как следствие находящийся в позиции в середине или конце клаузы (*cf.* пример (6)).

(6) Вост.хант. Вас.:

män-nə qasī wəl-wəl...
 1SG-LOC мужик быть-PRS.3SG
 ‘У меня есть друг ...’ (OM2W_039)

Подобно бытийным конструкциям, данные локативные посессивные предикативные конструкции являются типично локативными, с той лишь разницей, что место пространственного локатива в посессивных конструкциях занимает одушевленный референт-посессор (cf. локативная конструкция (7) vs. локативная посессивная (6)).

(7) Вост.хант. Вас.:

stol-nə way olaqata-wəl
 стол-LOC деньги лежать-PRS.3SG
 ‘На столе деньги.’ (EKhNeg_213a)

Таким образом, в основе отличия бытийной и локативной посессивных конструкций лежит порядок слов², отражающий прагматический статус референтов (посессора и обладаемого) пропозиции: [THEME V_{EX} LOC_{POSS}] – для бытийной посессивной конструкции (топик=обладаемое) и [LOC_{POSS} THEME V_{EX}] – для локативной посессивной конструкции (топик=посессор).

В терминологии Л. Стассена тип предикативных посессивных конструкций с посессором с прагматическим статусом топика категоризируется как тип (3) стратегия топикализации посессора (Stassen, 2009: 69). Однако, следует отметить, что в своей типологии Л. Стассен оперирует специфичным определением понятия *топик предложения* (*sentence topic*) отличным от конвенционального определения, принятого в теории информационной структуры (Stassen, 2009: 69), и в связи с этим мы оставляем вопрос о дифференциации локативных и топик-посессорных предикативных конструкций в качестве предмета для отдельного обсуждения.

2.4. Интранзитивные посессивные конструкции с глаголами положения

Еще одной группой интранзитивных конструкций, которые концептуально можно отнести к области посессивности (обладаемое находится в сфере посессора), являются конструкции с глаголами положения ‘*сидеть, стоять, лежать*’, которые формально выражают скорее те же бытийные и локативные отношения, что и описанные выше бытийные и локативные посессивные предикативные конструкции.

(8a) Вост.хант. Вас.:

rätf-nə t'ukurä jəm in-ta gula-pärt stol-əl-nə
 старик-LOC столько хорошо есть-INF столько-часть стол-3SG-LOC

aməs-wəl

сидеть-PRS.3SG

‘У старика на столе много хорошей еды.’ (TS-077)

(b) Вост.хант. Вас.:

...tat mən-nə way ala-wəl ranka-nə təy-uj-nə
 DET 1SG-LOC деньги лежать-PRS.3SG банка-LOC земля-дно-LOC
 ‘...у меня деньги лежат в банке (под землей)’ (NV.2012)

² Кроме порядка слов в данном случае важным дифференцирующим параметром здесь является просодика, демонстрирующая совпадение постановки фразового ударения с референтом пропозиции с прагматической функцией фокуса, т.е. неактивированной новой информации. Данный параметр не затрагивается в текущем описании.

3. Транзитивные посессивные конструкции

В типологических работах отмечается, что глаголы в предикативных посессивных конструкциях чаще используются для обозначения отчуждаемой принадлежности (Aikhenvald, 2013: 35). Основной транзитивной предикативной посессивной конструкцией в восточнохантыйском является тип конструкций с глаголом обладания «иметь», «держат», «владеть», используемые как в качестве финитных предикатов матричной клаузы (9а), так и нефинитных подчиненной клаузы (9б).

(9а) Вост.хант. Вас.:

mä jət nipik-äl'i taja-γal-əm
1SG хороший книга-DIM иметь-PST1-1SG

'У меня есть хорошая книга' (Gulya, 1966:67)

(b) Вост.хант. Вах.:

mä nipik taja-m-am-nə, tōŋ nōŋ-ä mə-γäs-i
1SG книга иметь-PP-1SG-LOC CND 2SG-ILL дать-PST1-PS.3SG

'Если бы у меня была книга, я бы тебе ее дал.' (Gulya, 1966: 122)

В восточнохантыйских диалектах глагол «иметь» не является полноценным транзитивным глаголом, он, например, не образует пассивной формы. По утверждению Л. Стассена предикативные конструкции с глаголом «иметь» кодируют временное обладание. Более того, Стассен выводит универсалию, которая сводится к тому, что языки, использующие транзитивную стратегию для кодирования отчуждаемой принадлежности, будут использовать эту же стратегию для кодирования временной посессивности (Stassen, 2009: 63). Следует отметить, однако, что на основе имеющихся восточнохантыйских данных дистрибуция транзитивных и интранзитивных посессивных предикативных конструкций, судя по всему, не зависит от семантических свойств или прагматического статуса аргументов пропозиции. Так, примеры (10–11) и (12–14) демонстрируют, что транзитивная посессивная конструкция используется как для кодирования длительного / перманентного обладания (10, 11, 12), так и для временного / абстрактного обладания (13, 14).

(10) Вост.хант. Вас.:

qaq-əl əj-ni toja-γən...
мл.брат-3SG маленький-женщина иметь-PST0.3SG

'У младшего брата была дочка.' (Girls-004)

(11) Вост.хант. Вас.:

atfi-l-nə kă werəŋ-ot-kən wəl-qən
ст.брат-3SG-LOC два маленький-вещь-DU быть-PST0.3DU

'У старшего брата было двое детей.' (Girls-005)

Справедливым будет отметить, что транзитивные конструкции с глаголом *taja-* «иметь» встречаются даже в материалах более ранних лет (1960–1980 гг.) sporadически.

(12) Вост.хант. Вас.:

nin-qən-qi-qən taj-l-qən əj pəγ-äli
женщина-DU-мужчина-DU иметь-PRS-3DU маленький мальчик-DIM

'У мужа и жены был сын' (recorded by L. Kalinina)

(13) Вост.хант. Вас.:

mä läwət al taja-l-əm
1SG семь год иметь-PRS-1SG

'Мне семь лет' (Gulya 1966:70)

В более поздних полевых записях последних лет подобные примеры еще более редки:

(14) Вост.хант. Вас.:

n'oyos moq-qən werəŋ ot taja-wəl-t
соболь детеныш-DU маленький вещь иметь-PRS-3PL

'...маленьких детенышей соболя держит' (S.2012)

Гораздо более частотны в материалах последних лет примеры с локативной посессивными конструкциями (cf. примеры (15–17)). В таких примерах с локативными посессивными конструкциями (15) может допускаться эксплицитная невыраженность как обладателя (16), так и самого бытийного предиката (17–18), в тех случаях, когда данный референт или сама предикация наличия референта в сфере обладателя идентифицируемы ситуативно или контекстно из предшествующего дискурса.

(15) Вост.хант. Вас.:

<i>tən-nə</i>	<i>əj</i>	<i>nəws-äm</i>	<i>patron</i>	<i>wəl-käl</i>
1SG-LOC	один	дать.осечку-PP	патрон	быть-PST1.3SG

‘У меня был один давший осечку патрон’ (SB.2012)

(16) Вост.хант. Вас.:

<i>jawät</i>	<i>patron</i>	<i>wəl-käl</i>
семь	патрон	быть-PST1.3SG

‘Было семь патронов’ (SB.2012)

(17) Вост.хант. Вас.:

<i>köt-əl-nə</i>	<i>pəytə</i>	<i>jerkan...</i>
рука-3SG-LOC	черный	полоса

‘На руке – черная полоса...’ (SB.2012)

(18) Вост.хант. Вас.:

<i>tən-nə</i>	<i>wajaju...</i>
1SG-LOC	зверь

‘У меня (здесь) зверь, ...’ (SB.2012)

Тенденция к сокращению транзитивных предикативных конструкций в восточно-хантыйских данных и замещение их бытийными / локативными могла бы быть интерпретирована как противоречие положению, высказанному Э. Бенвенистом, утверждавшим, что эволюция средств выражения посессивности наблюдается в переходе от *Esse*-языков к *Habere*-языкам (Бенвенист, 1974: 212). Однако, вполне оправдано было бы предположить, что естественная эволюция восточно-хантыйских посессивных конструкций претерпела мощное контактное воздействие со стороны русского языка, где как раз бытийные/локативные посессивные конструкции наиболее частотны, в то время как собственно предикативные *Habere*-конструкции периферийны. Подобное контактное влияние со стороны русского языка очевидно на самых разных уровнях восточно-хантыйской языковой системы (Potanina, Filchenko, 2016).

В этой связи интересна группа восточно-хантыйских примеров, где, на наш взгляд, проявляется влияние русского языка. Так в примерах (19а–19b), следующих непосредственно друг за другом в нарративе, локативная посессивная конструкция в (19а) уточняется в следующем предложении (19b) с транзитивной предикативной посессивной конструкцией. Нетрудно заметить, что нехарактерный для хантыйского языка синтаксис в (19а) – (V LOC S), как раз характерен для русской устной традиции, а именно для зачина фольклорного нарратива (cf. *Давным-давно жили-были старик со старухой, и было у них три сына...*).

(19а) Вост.хант. Вас.:

<i>il-län-nə</i>	<i>wəl-äyi</i>	<i>əj</i>	<i>räif-nə</i>	<i>qaqi</i>	<i>wajaju</i>
перед-время-LOC	быть-PST0.3SG	один	старик-LOC	мл.брат	зверь

‘Раньше держал старик медведя (*Жил у старика медведь*)’ (KB.2012)

(b) Вост.хант. Вас.:

<i>qaqi</i>	<i>wajaju</i>	<i>taja-yi,</i>	<i>əñəmt-ətə</i>
мл.брат	зверь	иметь-PST0.3SG	расти-PST0.3SG/SG

‘Медведя держал (старик), растил (его)’ (KB.2012)

В то же время синтаксис (19b) более четко описывает ситуацию обладания и контроля посессором обладаемого. Следует также отметить, что также, как и пример (14) выше, пример

(19b) демонстрирует использование глагольной посессивности в ситуации отчуждаемой принадлежности и временной посессивности, что соответствует типологической универсалии Стассена (Stassen, 2009: 63). Другими словами, в тех случаях, где восточно-хантыйские глагольные посессивные конструкции все же используются, они в большинстве случаев (но не исключительно) используются в рамках универсалий посессивности Стассена.

Подобным же образом может быть охарактеризован пример (20), где кроме той же модели типичного устно-фольклорного зачина (V LOC S) используется и заимствованный дискурсный маркер «значит»³.

(20) Вост.хант. Вас.:

<i>torəm-nə</i>	<i>(snachit)</i>	<i>wəl-äyi</i>	<i>pəy-əl</i>
бог-LOC	значит	быть-PST0.3SG	сын-3SG

‘У Бога, значит, был сын’ (SLE.2012)

4. Отрицание посессивных конструкций

Примечательно, что отрицание при различных предикативных посессивных конструкциях следует разным стратегиям (Filchenko, 2013). Так, в примерах отрицания при наличии финитного глагола-копулы «быть» в интранзитивных посессивных конструкциях, можно было бы предположить использование симметричных конструкций со стандартным отрицанием по модели: [LOC THEME NEG_{ST} V_{EX}]. В таких конструкциях маркер стандартного отрицания предшествовал бы предикату-копуле «быть» в соответствующей финитной форме (в качестве альтернативной модели маркер стандартного отрицания предшествует именному предикату). Имеющиеся данные, однако, очевидно демонстрируют, что наиболее частотной стратегией отрицания здесь является бытийное отрицание по модели [LOC THEME NEG_{EX}], где место предиката занимает специальный отрицательный бытийный глагол *əntim* «не быть, не иметься, отсутствовать» (Filchenko, 2015).

(21) Вост.хант. Вас.:

<i>tən-nə</i>	<i>əntim</i>	<i>way,</i>	<i>əj</i>	<i>way-ali-pə</i>	<i>əntim</i>
1SG-LOC	NEG _{EX}	деньги	один	деньги-DIM-Emph	NEG _{EX}

‘У меня денег нет’ (Predicate Possessors 1.1.6.)

Последовательность из вопроса и ответа в (22) в этом отношении особенно показательна.

(22) Вост.хант. Вас.:

<i>jüy-ən</i>	<i>kniSka</i>	<i>wəl-wəl?</i>	<i>jüy-ən</i>	<i>kniSka</i>	<i>əntim-äki</i>
3SG-LOC	книга	быть-PRS.3SG	3SG-LOC	книга	NEG _{EX} -PRD

‘У него есть книжка? У него нет книжки.’ (Predicate Possessors 1.1.6.)

В следствие того, что отрицательный бытийный предикат *əntim* не обладает полной парадигмой и не имеет форм прошедшего времени, для выражения посессивности во временном плане прошлого используется вспомогательный глагол «быть», принимающий соответствующие контексту финитные глагольные показатели, в том числе временные.

(23) Вост.хант. Вас.:

<i>(jəy-ən)</i>	<i>öyi-t</i>	<i>əntim</i>	<i>wəl-qal</i>
3PL-LOC	дочь-PL	NEG _{EX}	быть-PST1.3SG

‘(У них) дочерей не было’ (Predicate Possessors 1.1.6.)

³ Дискурсные маркеры «значит», «стало быть» достаточно частотны в русской устной разговорной речи для введения контекста описываемой ситуации, часто в качестве повтора вводной фразы: см. *Сидели мы, значит, с ним в кафе, ели, пили.* (НКРЯ: Запись Live Journal (2004)); *Служили, стало быть, на краю степей...* (НКРЯ: Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь». – 2001).

(24) Вост.хант. Вас.:

<i>(jüy-ən)</i>	<i>metäli-pə</i>	<i>əntim-äki-iki</i>
3SG-LOC	несколько-Emph	NEG _{EX} -PRD-PRD

‘(У нее) ничего нет.’ (ST_121)

(b.) Вост.хант. Вас.:

<i>...metäli-pə</i>	<i>əntim</i>	<i>wəl-qal</i>
несколько-Emph	NEG _{EX}	быть-PST1.3SG

‘... (у нее) ничего не было.’ (ST_121)

Стандартная же стратегия отрицания, хотя отмечается крайне периферийно, расценивается как неестественная при терминах родства и свойства (25).

(25) Вост.хант. Вас.:

% <i>jüy-ən</i>	<i>öyi-t</i>	<i>əntə</i>	<i>təja-qal</i>
3SG-LOC	дочь-PL	NEG _{ST}	иметь-PST1.3SG

‘%У него/нее нет дочерей’ (Essive_1.1.3)

5. Выводы

Имеющиеся языковые данные дают основания утверждать, что рассматриваемые восточные диалекты хантыйского языка обладают достаточно широким арсеналом конструкций для кодирования посессивных отношений. В настоящее время наиболее продуктивным и частотным типом предикативных посессивных конструкций являются (i) бытийные / локативные посессивные конструкции, в которых посессор кодируется локативно-маркированной именной группой, а в качестве предиката выступает глагол-копула «быть». Кроме того, в качестве периферийных предикативных посессивных конструкций могут быть перечислены в примерном порядке убывания частотности; (ii) транзитивные посессивные конструкции с глаголом обладания «иметь, держать, владеть»; (iii) посессивные конструкции с глаголами положения «сидеть», «стоять», «лежать»; (iv) эквативные/инклюзивные/атрибутивные проприетивные конструкции, в том числе редкий тип атрибутивных предикативных конструкций с посессивной-проприетивной семантикой с суффиксом-предикатором */-aki/*.

Вероятнее всего, в ходе контактного взаимодействия с русским языком в условиях билингвизма, в рассматриваемых восточно-хантыйских диалектах развивается тенденция к замещению транзитивных посессивных конструкций бытийными/локативными посессивными конструкциями. Подтверждениями этому могут служить, с одной стороны, сравнительное сокращение частотности транзитивных посессивных конструкций в текстовых данных 1960–1980–2010 гг., с другой стороны, разнообразные свидетельства других контактных изменений в восточнохантыйском синтаксисе; и наконец, очевидное стирание дистрибутивных характеристик транзитивных и интранзитивных посессивных предикативных конструкций (нерелевантность семантических или прагматических свойств аргументов, также характеристик всей ситуации обладания в целом (временной, случайной, длительной)) (в типологии посессивности Л. Стассена транзитивные конструкции кодируют отчуждаемую принадлежность и временную посессивность (Stassen, 2009: 63)). В соответствии с типологией Стассена (2009), в восточнохантыйских диалектах наиболее частотна стратегия 1) локативная стратегия (*the locational possessive*). Глагольная стратегия 4) (*the have-possessive*) встречается существенно реже, чем первые две, и в настоящее время, судя по имеющимся данным, теряет специфическую сферы применения за счет расширения сферы локативных конструкций. Стратегия 2) комитативная стратегия (*the with-possessive*) в диапазон восточнохантыйских посессивных конструкций не включается, так как имеет отличные характеристики и дистрибуцию, используясь в основном с глаголами движения.

**Текстовые источники данных: архив полевых записей кафедры языков народов Сибири
Томского государственного педагогического университета**

- ST: «Ski-tracks», 2005. Vasyugan Khanty. Recorded A. Filchenko.
TS: «Three sons», Vasyugan Khanty, 1970s. Recorded by L. Kalinina.
Girls: «Girls», Vasyugan Khanty. Recorded by L. Kalinina.
OM2W: «Oldman and two women» Vasyugan Khanty, 1970s. Recorded by L. Kalinina.
EKhNeg: «Eastern Khanty Negation Questionnaire», 2012, adapted and recorded A. Filchenko, S. Kovylin.
Predicate Possessors: «Predicate Possessors Questionnaire», 2013, Vasyugan Khanty. Recorded A. Filchenko.
Essive: «Essive Questionnaire», 2013, Vasyugan Khanty. Recorded A. Filchenko.
EKhNegation: «Eastern Khanty Negation Questionnaire» 2013. Vasyugan Khanty. Recorded S. Kovylin, A. Filchenko.
SB: «Shooting the bear», 2012. Vasyugan Khanty. Recorded O. Potanina.
S: «The sables», 2012. Vasyugan Khanty. Recorded O. Potanina.
KB: «Keeping the bear», 2012. Vasyugan Khanty. Recorded O. Potanina.
SLE: «The six-legged elk», 2012. Vasyugan Khanty. Recorded O. Potanina.
NV: «The name of Vasyugan», 2012. Vasyugan Khanty. Recorded O. Potanina.

Список сокращений

- CND – conditional
DET – determiner
DIM – diminutive
DU – dual
EMPH – emphatic
EP – epenthetic
ILL – illative
INF – infinitive
LOC – locative
MMNT – momentative
NEG – negator
NEGEX – existential negator
NEGIMP – imperative negator
NEGST – standard negator
PL – plural
PP – perfective participle
PRD – predicator affix
PRS – present
PS – passive
PST – past
PST0 – past 0 (suffixless past)
PST1 – past 1 (-yas)
PST2 – past 2 (-s)
PST3 – past 3 (-yal)
SG – singular
THEME – theme
V – verb
VEX – existential verb
VP – verbal phrase
X – an element of a model
Y – an element of a model
1 – first person
2 – second person
3 – third person

Список литературы

- Aikhenvald A. Possession and Ownership: a cross linguistic perspective // Possession and Ownership. A cross-linguistic typology (Aikhenvald A., Dixon R.M.W. (eds.)). – Oxford University Press, 2013. – P. 1–64.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика / под редакцией, с вступительной статьей и комментарием Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
- Filchenko A. Asymmetric Negation in Eastern Khanty and Southern Selkup // Tomsk Journal of Linguistics & Anthropology. – 2013. – № 2 (2). – Tomsk: TSPU-Press. – P. 29–50.
- Filchenko A. Possessive Constructions in Eastern Khanty // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2014. – Issue 1 (3). – P. 83–95.
- Filchenko A. Negation in Eastern Khanty. In: Negation in Uralic Languages. M. Miestamo, B. Wagner-Nagy, A. Tamm (eds). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. – 2015. – P. 159–190.
- Gulya J. Eastern ostyak chrestomathy. Bloomington. Indiana University Press. – 1966.
- Heine B. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. – Cambridge University Press, 1997.
- Honti L. 'HABERE' «по-уральски» // Linguistica Uralica. – 2008. – Vol. XLIV, № 3. – S. 161–177.
- Potanina O., Filchenko A. Russian contact-induced innovations in Eastern Khanty // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2016. – Issue 2 (12). – P. 27–39.
- Потанина О. С. К типологии атрибутивных посессивных конструкций на материале васюганского диалекта хантыйского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 5 (35). – Ч. 2. – С. 165–169.
- Stassen L. Predicative Possession. – New York: Oxford University Press, 2009.

Фильченко А. Ю., кандидат филологических наук, Ph.D. Linguistics, профессор, зав. кафедрой мировых языков и литературы.

Назарбаев Университет.

Кабанбай батыр, 53, Астана, Казахстан, 010000.

Доцент кафедры языков народов Сибири ФИЯ.

Томский государственный педагогический университет.

Пр. Комсомольский, 75, Томск, Россия, 634041.

E-mail: filtchenko@policy.hu

Потанина О. С., кандидат филологических наук, доцент.

Томский политехнический университет, Кафедра иностранных языков ИСГТ.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: olgapotanina@yahoo.com

Материал поступил в редакцию 25.11.2016

Filchenko A., Potanina O.

PREDICATIVE POSSESSION IN EASTERN KHANTY

The paper overviews the variety of predicative possessive constructions manifested in Eastern Khanty. The aim is to define the most productive and frequent types of the predicative possessive constructions as well as peripheral types. The predicative possession is studied and explained by the interrelation of existential, locational and possessive constructions. The core predicative possessive constructions are existential/locational possessive constructions in which the possessor is locative-marked and the predicate is the verb «to be». The peripheral possessive constructions are the transitive constructions which contain the possession verb with a meaning of «to have, to keep, to hold» as the predicate; the possessive constructions with posture verbs «to sit, to stand, to lie» as predicates; equative/inclusive/attributive proprietive constructions including a very rare type of nominal predicative constructions with the possessive proprietive semantics encoded by the predicative suffix /-aki/. The frequency of existential/locational constructions is induced by the contact with the Russian language among bilingual speakers. According to the Stassen's

typology of predicative possession (Stassen, 2009), in Eastern Khanty the domination strategy is the locational strategy. The have-possessives are sporadically found and are losing their distinctive features due to the expanding distribution of the locational constructions at the present moment. The with-possessive constructions are not included in the study of predicative possession as they have the distinctive features and distribution which allows using it with motion verbs only.

Key words: *predicative possession construction, predicative possession strategies, Eastern dialects of Khanty.*

References

- Aikhenvald A. Possession and Ownership: a cross linguistic perspective // Possession and Ownership. A cross-linguistic typology (Aikhenvald A., Dixon R.M.W. (eds.)). – Oxford University Press, 2013. – P. 1–64.
- Benveniste E. Obschaja lingvistika [General Linguistics] (ed. by Ju. S. Stepanov) – M.: Progress, 1974. – 446 p. (in Russian)
- Filchenko A. Asymmetric Negation in Eastern Khanty and Southern Selkup // Tomsk Journal of Linguistics & Anthropology. – 2013. – № 2 (2). Tomsk: TSPU-Press. P. 29–50. (in Russian)
- Filchenko A. Possessive Constructions in Eastern Khanty // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2014. – № 1 (3). – P. 83–95. (in Russian)
- Filchenko A. Negation in Eastern Khanty. In: Negation in Uralic Languages. M. Miestamo, B. Wagner-Nagy, A. Tamm (eds). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2015. – P. 159–190.
- Gulya J. Eastern ostyak chrestomathy. Bloomington: Indiana University Press, 1966.
- Heine B. Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. – Cambridge University Press, 1997.
- Honti L. 'HABERE' «по-уральски» // Linguistica Uralica. – 2008. – Vol. XLIV, № 3. – S. 161–177. (in Russian)
- Potanina O., Filchenko A. Russian contact-induced innovations in Eastern Khanty // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. – 2016. – № 2(12). – P.27–39. (in Russian)
- Potanina O. S. K tipologii atributivnyh possessivnyh konstruktsij na materiale vasjuganskogo dialekta hantyskogo jazyka [The typology of attributive possession in Eastern Khanty] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2014. – № 5(35), Part. 2. – P. 165–169. (in Russian)
- Stassen L. Predicative Possession. – New York: Oxford University Press, 2009.

Filchenko A. Yu, Dept. World Languages and Literature.

Nazarbayev University.

Kabanbai batyr, 53, Astana, Kazakhstan, 010000.

Dept. Indigenous Languages of Siberia.

Tomsk State Pedagogical University.

Pr. Komsomolsky, 75, Tomsk, Russia, 634041.

E-mail: filtchenko@policy.hu

Potanina O. S.

Tomsk Polytechnic University. The Department of Foreign Languages.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: olgapotanina@yahoo.com